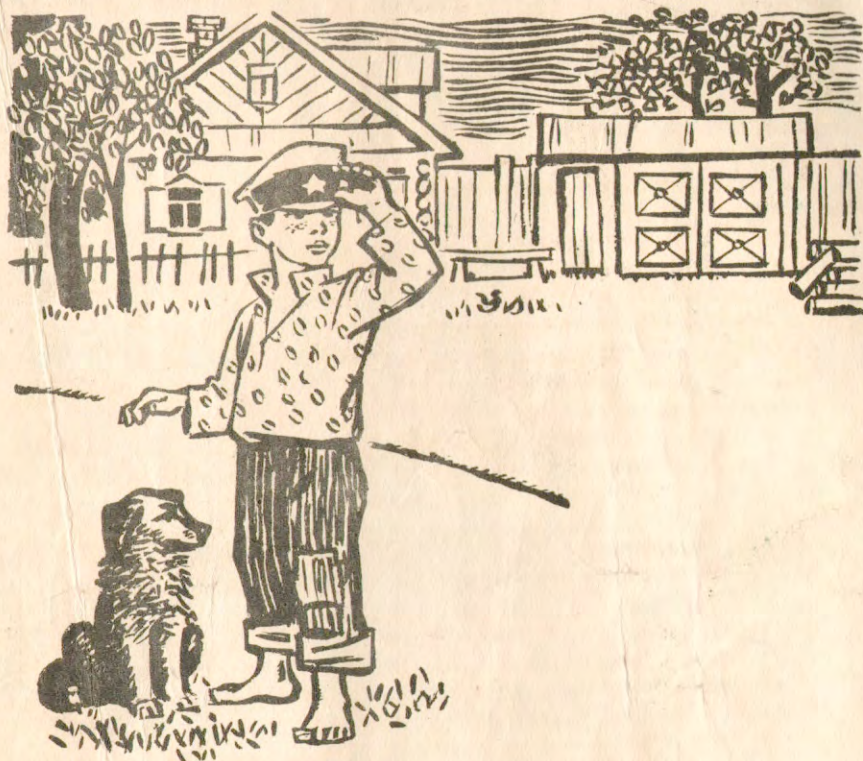

7 коп.

Дмитрий Сычев

Лето Феди Степанова

ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Федька стоит на пригорке и смотрит вслед уходящему красно-армейскому отряду. В глазах у мальчика слезы.

Не везет ему, нет, не везет. Как всегда. И в прошлый раз, и по-запрошлый. Это уж точно...

Давно ли его лягнул жеребенок? Никого другого: ни Бориску, ни Костю, а только вот Федьку присадил копытцем.

Теперь-то жеребенок стал большим, да в ту пору видели бы, как смешно подпрыгивал он и тыкался мордочкой под брюхо Буланой.

Федька тогда предложил друзьям:

— Айда, ребята, под сосунком проскакивать.

— Ну-у-у, придумал,— счищая кожуру с печеной картошки поморщился Бориска.

— А ежели взгреют? — спросил Костя. — Когда я ножницами отстригнул у егоршиного Сивка сило на леску, знал бы, как мне за это попало. Двоехвосткой. Той, что висит у Пимкиных в избе на гвоздике.

Федька возразил:

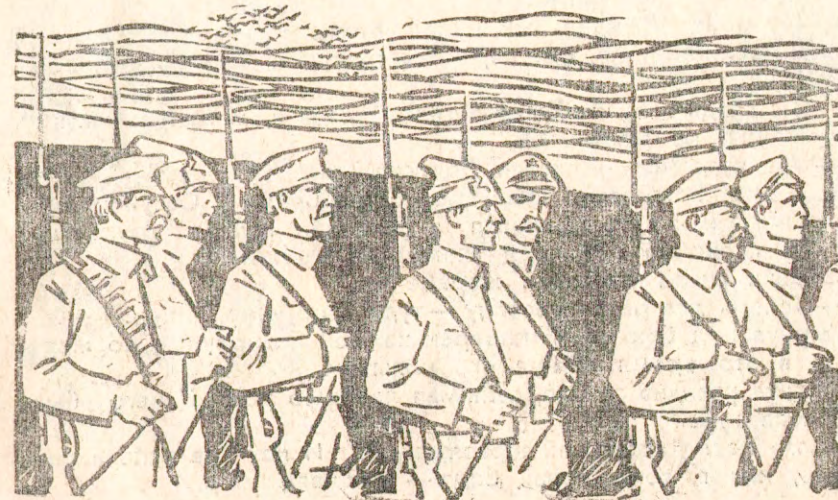
— Ну, то егоршин Сивка, он брыкается и может зубами хапнуть. А жеребенок у Буланой смирный.

— Не-е, я не играю,— отказался Костя.

— Не играй, нам больше достанется. Правда, Бориска?

— Давай,— ответил тот решительно. — Только, чур, я не первый.

Федька подошел к жеребенку, погладил его и, согнувшись, проскользнул под брюхом.

— Ну как? Ладно вышло?

— Ничего, — сказал Бориска.

— Теперь и ты валяй.

Бориска, почесывая босую ногу, признался:

— Чего-то боязно.

— Я поглажу его, а ты ныряй.

Бориска подошел к сосунку и, была не была, на четвереньках пролез между его ногами.

— Вот и хорошо! — ликовал Федька. — Совсем не страшно. Айда, Костыка! Последний раз предлагаю. После не проси.

— А ежели он лягнется?

— Не бойся. — Видал, как надо? Бориска и то прошмыгнул. А такой шпингалетине, как ты, вовсе нипочем, бжик и — пролез. Давай!

— Ты гладь его, чтобы не пугался, тогда я, может, и шмыгну.

— Валяй, не тяни.

— Да куда ему, — сказал Бориска.

Но Костя неожиданно тоже пролез под брюхом. Сосунки переступил ногами, затем прижался к Буланой, шумно хрупающей траву и спокойно косившей глазом на ребятишек.

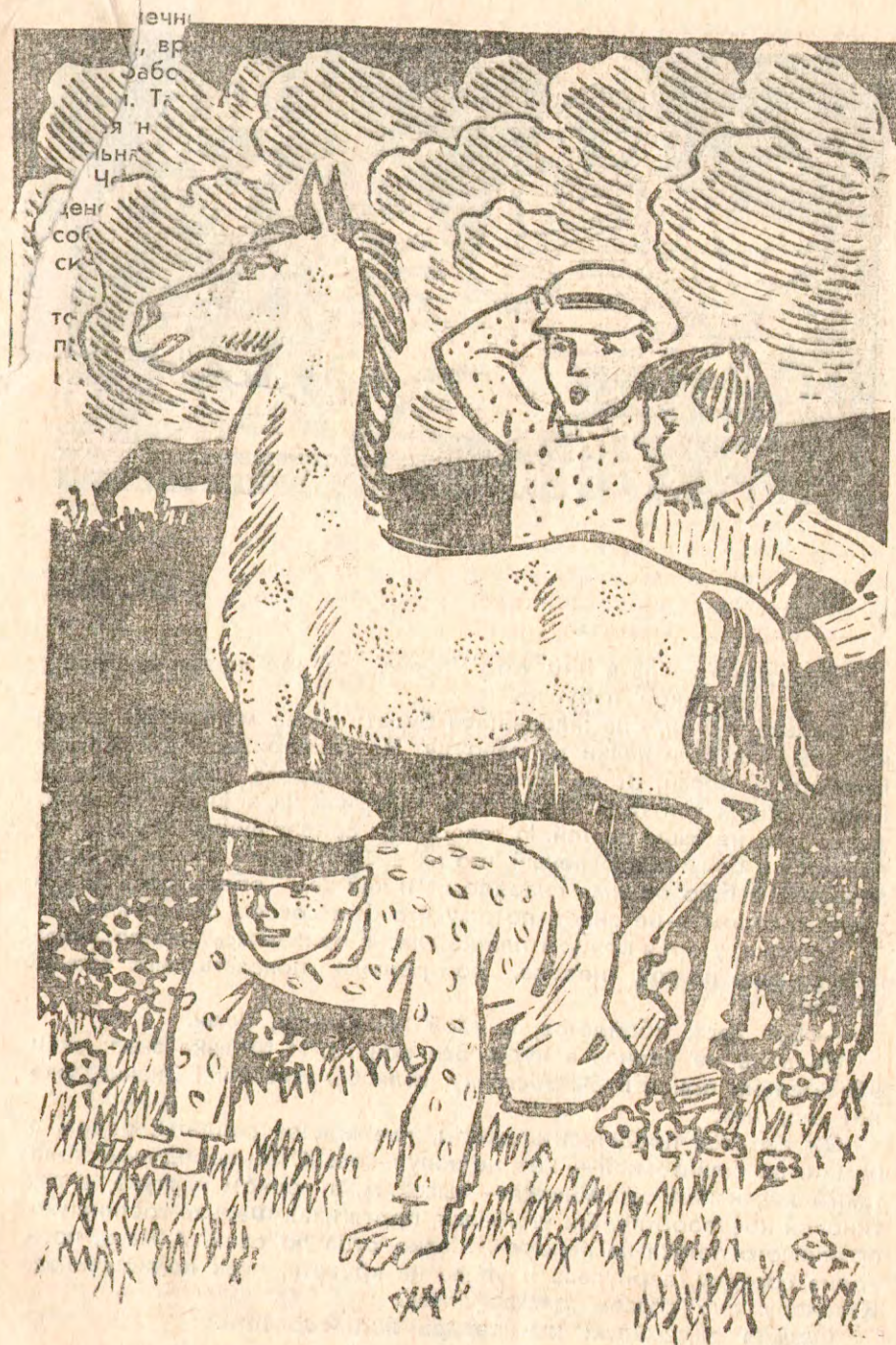
Федька снова погладил жеребенка.

— Теперь два раза проскочу — туда и обратно. Гляди!

Нырнув под брюхо на четвереньках, он повернулся, но жеребенок в это время лягнул его копытом.

Федька упал на землю, зажимая ладонью рот. У него была рассечена губа.

Долго после ходил он перевязанный. И вот не успела рана зажить, как в доме новая беда — заболела мать.

ПОБЕГ

Накануне пришла к ним тетя Ульяна, та, что живет на берегу реки, в маленькой избушке.

Федька думал, она жаловаться будет: снова мальчишки вчера из ее тына таскали палки на запруду. Но тетя принесла письмо, как выяснилось после, от ее мужа-солдата, которого вместе с Федькиным отцом три года назад царь «забрil» на войну. От обоих давно уже не было вестей. И теперь вот солдат пишет Ульяне, что валяется в больнице раненый, что их с Федькиным отцом Ефимом зацепило в бою одним снарядом, и как там обернулось потом с его соседом — не знает, потому что был совсем без памяти.

Соседка, утирая концом платка слезы, призналась, что получила письмо еще на той неделе, но решила показать его только сегодня.

— Бог даст, обойдется, и твой живехонек, поди.

Но мать не верила в чудо. Все поняла. И Федька знал: отец обязательно прислал бы весточку, если бы жив был. Значит, уже нет его, нет.

Он пытался представить окопы, где воюют солдаты, рядом с ними отца с винтовкой — нет, не получалось. Отец перед ним стоял таким же, каким запомнился — высоким, в черном картузе, в сатиновой косоворотке. Он улыбался, протягивая Федьке гостинец — пряничного петуха на палочке. Жалко отца до слез. А мать, проводив соседку, вернулась и упала на кровать, как подкошенная. К вечеру она совсем расхворалась.

Федька задумался: как теперь жить-горевать.

Конечно, и раньше они вдвоем жили не так уж богато, но ждали отца и, вроде бы, легче было, перебивались на заработок матери. Она работала на торфянике за речкой. Федька даже в школу ходил. Так хотела мать. Он видел, как ей трудно, и не раз просился на работу, но мать и слушать не хотела. Теперь она, такая больная, куда пойдет? За самой-то надо глядеть и глядеть.

Через несколько дней Федька надумал заработать немного денег. Слободские мальчишки часто ходили на шлаковые отвалы собирать чугун. Многим везло: в глыбах шлака попадались увесистые слитки.

Надеялся на удачу и Федька. Взял мешочек для чугуна, молоток, несколько печеных картофелин — и пошел на берег заводского пруда.

По крутому отвалу ползали мальчишки в поисках «чугунок». Вот уже кое-кому и повезло — спешили в контору сдавать собранный «фарт». Но то ли Федька запоздал, то ли за дело взялся неумело, а только нашел он всего-навсего три слитка. Правда, был один совсем небольшой: с одной стороны гладкий, с другой — в морщинках. Вряд ли такой сгодится. Но для игры в бабки бита — хоть куда! Мальчик сунул ее в карман. Остальные два слитка, еле оттягивая угол мешочка, мало что весили. Так и вернулся Федька ни с чем, хотя пробыл на крутом отвале дотемна, даже уроков не учил.

Эх, был бы жив отец. Ничего, скоро Федька и сам подрастет. Уже двенадцать ему исполнилось. Ага! Вон Степке Столбову нет еще двенадцати, а он уже работает. Новый картуз купил, теперь на сапоги копит. Возьмет Федька да уйдет к углежогам. Это уж точно. Там, на заимке, жгут уголь взрослые, а с ними — отцов дружок, дядя Прохор. Он-то поймет, что Федька стал теперь единственным кормильцем дома.

Вскоре, когда матери чуточку легче стало, взял он котомку и в лес подался. Не один, с ребятами: те собрались как раз туда же — по ягоды.

ПРОЩАНИЕ

Шагают ребята по лесной дороге.

Растет в лесу ромашка, тянутся к солнцу голубые колокольчики. Весело.

— Костя то и дело кидается в траву ловить кобылок — проворных, как молнии, когда зажмешь ее в кулаке и, прыгая на левой ноге, скажешь: «Кобылка, кобылка, дай мне смолки!», она тут же выполнит просьбу — на ладони оставит желтую каплю.

Бориска, тот внимательно вглядывается в траву — не попадутся ли где ягоды.

А Федька идет понуро: тоскливо ему, невесело. Товарищи пока ничего не знают. Но впереди развилка дорог и надо будет

— Мне теперь туда,— показал он в сторону соснового бора.— Матери скажите: скоро вернусь.

— А ты разве не сказал ей? — уставился Костя.

— Нет, она бы не пустила.

Бориска достал из котелка ломоть хлеба и две картошки.

— Бери. Я-то ничего, потерплю. Ягод поем. А тебе — во-он куда шагать.

— Спасибо,— сказал ему Федька.— Есть у меня все. До заимки хватит.

Он кивнул приятелям и пошел, не оглядываясь, по дороге в сосновую чащу.

ЗАИМКА

Лесная дорога, в осыпях камней и в дождевых промоинах, спускалась книзу, в ложок, где курилась дымками заимка углежогов.

Федька прибавил шаг. Как-то его там встретят? Не осерчает ли дядя Прохор, не скажут ли остальные: куда такого? Пусть-ка сперва подрастет он и сил наберется.

Однако на заимке приняли его без разговоров. Углежогом как раз обедали. Усадили в свой круг, дали большую ложку.

— Ешь, поправляйся.

Дядя Прохор, пожилой, бородатый, наклонился к нему и спросил тревожно:

— Что случилось, Федя?

— Мать заболела. Работать не может.

— Ну, не расстраивайся.

— Поможем,— заверил другой углежог помоложе.— Только работа у нас, Федор, огневая, грязная. Гляди, какие мы чумазые.

— Не страшно,— сказал Федя радуясь, что назвали его по-взрослому — Федором и говорят с ним как с равным.

— Я, дяденька, все могу,— похвалился он.— И воду носить, и картошку чистить...

— Вот и хорошо,— сказал третий.— Только не отставай от нас, ешь проворней.

Пшенная каша в котле была вкусной. Только дымком пропахла. Зато кусочки прожаренной солонины так и таяли во рту.

После обеда, когда все наелись, дядя Прохор объявил:

— Теперь отдохнем часок и за дело. Ступай, Федя, на сено — поспи с дороги...

Проспал он в балагане до заката солнца. Углежогом тем временем погрузили уголь, отправили подводы в поселок и наказали возчикам передать Федькиной матери, чтобы та не беспокоилась. А Федьке дали рогожный куль — собирать в него рассыпанные угли. Собрал он. Затем начал помогать углежогам дрова носить к угольным ямам, землей засыпать их и дерном обкладывать.

— Молодец, артельщик,— похвалил дядя Прохор.

Так проработал Федька на заимке всю неделю. А в понедельник утром с попутной подводой приехала мать и взяла его домой.

— Будешь работать на торфянике.

ПЛЕН

Поговаривали, что в лесу появились белые банды. Разбитые в боях под узловой станцией, они бежали в горы, а теперь будто бы лесом продвигались к поселку. Этим слухам вначале никто не верил. Но когда в лесу был убит поселковый председатель Матвей Столбов, жители насторожились. Углежогом покинули свою заимку. Даже на торфоразработки вблизи поселка рабочие ходили с опаской.

Однажды Федька помогал матери варить обед в бараке. Для всей артели. Носил он сухие ветки, подкладывал их в огонь, чистил картошку. Мать в это время резала на столе капусту. Слышат они, кто-то зашумел у барака, затопал ногами. Неужели рабочие пришли обедать? Мать выглянула в открытую дверь и всплеснула руками.

— Солдаты, сынок.

Потом шепнула ему:

— Беги-ка домой.

Но в барак уже входили вооруженные люди. Высокий офицер с погонями на плечах подошел к столу.

— А где народ? — спросил он строго.

— На торфе,— сказала мать.

— Никого там нет... Куда попрятались?
 — Не знаю.
 — Неужели скрылись? — подумал Федька и, собирая на ходу щепки, незаметно выскользнул в другую дверь. Но его схватил за руку дежуривший у двери солдат:
 — Куда, щенок?
 Другой подбежал к Федьке и замахнулся нагайкой.
 — Не бейте мальчика! — закричала мать. — Я все расскажу.
 Их посадили рядом и стали допрашивать.
 — Сколько в деревне красных?
 — В поселке? Не знаю.
 — Врешь! — сказал один солдат и хлестнул через плечо нагайкой.
 — Не трогать! — приказал офицер. — Сама расскажет.
 Но мать, зажав плечо ладонью, молчала.
 — Мальчик больше знает, — подсказал солдат.
 Офицер посмотрел на Федьку и спросил его вежливо:
 — Твоя мамаша?
 Федька, пожав плечами, не ответил.
 — Тоже молчишь?
 Мать повалилась в ноги офицеру:
 — Не обижайте сироту! Не виноват он. Отец его кровь за царя пролил! А вы так пугаете. За что?
 — Не скули! — приказал офицер. — Вставай!
 Она поднялась и прижала к себе сына.
 — Сомлел весь бедный. Кваску бы тебе...
 Солдат погрозил нагайкой:
 — Не кваску ему, а выволочку!
 Офицер поморщился;

— Ладно. Запереть их куда-нибудь. Пока других не поймает. Втолкнули Федьку с матерью в чулан, приперли дверь скамейкой.

Сидят они в темном закутке. Федька не выдержал — заплакал.

— Молчи, сынок, — попросила мать, к чему-то прислушиваясь. — Еще солдаты подошли. Побьют, поди, наших. Предупредить бы надо.

— Внизу тут гнилая доска. Можно вытолкнуть.

— Попробуем.

Нажали ногами доску и та подалась — отодвинулась.

— Беги, сыночек, — сказала мать.

Вылез Федька из чулана и — в крапиву.

Обжигаясь, дополз он к оврагу, а там по склону бегом в свой поселок. Только бы не заметили. Догонят в два счета...

Прибежал Федька в поселок и, задышав, первому встречному выдохнул:

— Там беяки! На Зарянке. И мать мою в плен забрали.

БОЙ У ТОРФЯНИКА

Не зря беяки подобрались к поселку. Заняли удобную позицию на возвышенности, вырубил кустарник и начали гатить хворостом вязкую тележную дорогу на торфянике. За рекой дорога шла к руднику, от которого тянулась железнодорожная ветка прямо к узловой станции.

Вызванный из города красноармейский отряд сходу решил ата-

ковать высотку. Но у белых застучал пулемет. Пришлось отойти в укрытие.

— На чистом поле срежут, — сказал командир. — Надо в обход, незаметно. Там, за высоткой, лесная дорога.

— Дяденька, — подбежал к нему Федька, — я проведу вас ближе, до самого пулемета.

Командир удивился:

— Ты откуда вынырнул такой прыткий?

— С торфяника. Я там работаю. И все канавы знаю.

— Лазутчик?

Федька не понял.

— Беяки послали?

— Нет, я сбежал от них. А мама там осталась. Теперь они забьют ее в бараке.

Вскоре, убедившись, что мальчик не обманывал и что ему, как видно, тоже туда надо, к своей матери, командир выделил группу разведчиков с гранатами.

— Главное, пулемет накрыть, — сказал он. — А там атакуем их, с двух сторон: из кустов и с берега...

Федька повел разведчиков по склону оврага к торфяным канavam. Выбрав одну из них, самую глубокую, пошли гуськом, друг за другом, к высотке: четверо — впереди, Федька — пятым.

На пути встретилась поперечная канава, более широкая. Разведчики остановились.

— Тут недалеко, — сказал им Федька. — Направо — барак, а прямо — высотка.

— Дальше тебе нельзя, — решил один разведчик. — Сиди на этом перекрестке, и ни звука.

Другой предупредил:

— Когда услышишь перестрелку, тикай отсюда без оглядки. Пока не зацепило.

Федька приуныл.

— А мне бы тоже с вами.

— Куда? К матери? Успеешь. Дай сперва пулемет прихлопнуть.

Проводив разведчиков, не вытерпел он — пошел направо. Канава была недлинной и вскоре вывела его на поросшую кустами заболоченную пойму. До барака — рукой подать: за кустами видна тесовая крыша. Но вот на высотке слева разорвалась граната, за ней другая, и тотчас на пойме со всех сторон затрещали выстрелы.

Федька побежал к барaku, решив пробиться к матери. Когда кусты кончились, он упал в крапиву и, добравшись до знакомого лаза, нырнул в чулан. Матери там не было. Дверь открыта настежь. Он заглянул в барак — пусто. На затоптанном полу валялась брошенная винтовка. Но где же мать?

У барака на лужайке тоже ни души. Выстрелы переместились куда-то к лесу: должно быть, цепь атакующих уже перевалила за высотку.

По склону оттуда, прихрамывая, спускался раненый красноармеец: рука у него перевязана, рубаха в крови.

Подождал он к барачу и просит:

— Воды бы мне, мальчик.

— Сейчас принесу.

Федька схватил ведро — и к роднику. А там вдруг увидел мать: она переходила вброд Зарянку.

— Мама! — позвал он.

— Сыночек! — оглянулась она. — Плыви скорей сюда!

— Но у меня там раненый. Воды просит.

Мать испугалась:

— Какой раненый?

— Свой. Из отряда... Сейчас отнесу ему и догоню тебя.

Федька вернулся в барак, напоил солдата и хотел было бежать за матерью, но, увидев, что с горы спускаются еще двое раненых, подождал их: может, им воды не хватит...

А вскоре показался и весь отряд. Привели к барачу пленных; принесли двух убитых солдат и послали санитар с Федькой за двумя подводами.

— Найдем ли? — спросил его пожилой, усатый санитар.

— Насовсем?

— До станции.

— Для убитых и раненых не откажут, — пообещал Федька.

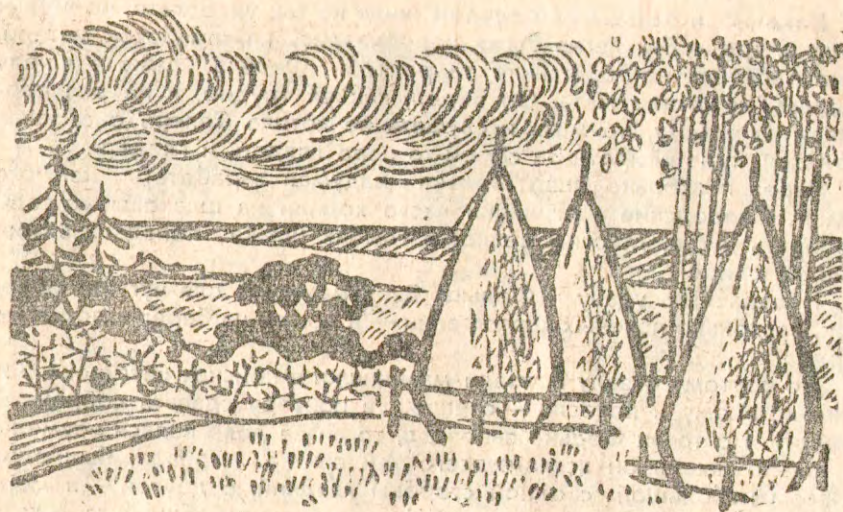
По дороге в поселок усатый поинтересовался:

— Как тебя зовут, сынок?

— Федькой. Степановым.

— Федор, значит... А батюшку?

расставаться, обо всем рассказать. По другому не уйдешь от них — увяжутся. Лучше уж сказать им сразу...

Но Костя, как нарочно, прыгает по траве, будто сроду кобылок не видел. Вон их сколько, так и прыскают из-под ног!

— Перестань, — попросил его Федька. — Всех не переловишь.

Костя поднял на пальце божью коровку и, подождав, когда улетит она к своим деткам, затараторил:

— Завтра пойдем, ребята, на Заячью гору. Костяники там, хоть в коробок гребни.

— Смотри, чтобы не вышло по-вчерашнему, — предупредил Бориска. — Тоже насказал «Ягод, ягод!», — а пошли — там одни шишки сосновые.

— Не-е, — заверил Костя, — на той горе так не будет. Пойдешь с нами, Федя?

— Нет, не пойду. Я уйду на заимку.

— Ну-у, ты взаправду?

— Но там ничего и нет, — сказал Бориска, — ни ягодки. Только дым да уголья.

— Мне сейчас не до ягод. Насовсем иду, работать.

— Неужели? — удивился Костя. — Вот бы мне с тобой! Заработал бы сапоги скрипучие, рубаху синюю. Пришел бы домой: здравствуй, маманя, вот он, я какой...

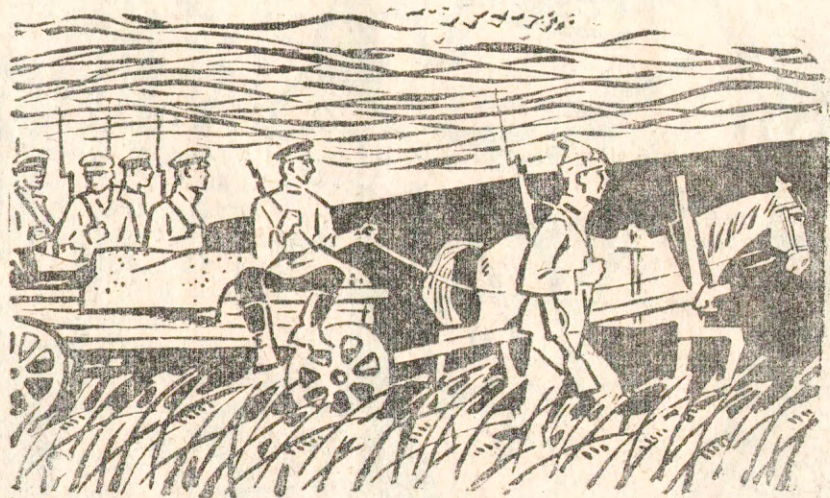
— Удивил, открывай рот пошире, — сказал Бориска. — Маленьких там не берут.

Они подошли к шумевшей на перекате Зарянке, напились, перешли речку вброд и поднялись на высокий берег.

— Ну, прощайте, ребята, — сказал Федька.

— Его на войне убили. А звали: Ефим Иванович.
 — Царство ему небесное...
 Несколько шагов прошли молча.
 — Спасибо, Федор,— сказал ему солдат, как взрослому.—
 Командир говорит, побывал ты у нас и разведчиком, и санитаром...
 — А толку? В бой-то совсем не пустили.
 — Рано еще. Подрастешь, навоюешься.
 Вечером Федька провожал отряд по дороге на станцию. Он спросил командира: не возьмут ли его разведчиком или санитаром? Нет, сказал командир, маленьких не берут.
 — Но я не маленький,— обиделся Федька.— Уже работаю.
 — Молодец,— похвалил командир, обняв его за плечи.— Помогай матери. Когда подрастешь, возьмем...
 Не везет ему, не везет. И в отряд не берут, и в бой не взяли... Стоит он за поселком на пригорке, а в глазах его слезы.

P2
C95

СОДЕРЖАНИЕ

Неудача	1
Побег	4
Прощание	5
Займка	8
Плен	9
Бой у торфяника	12

7-6-2
167-71М

Сычев Дмитрий Степанович

ЛЕТО ФЕДИ СТЕПАНОВА

Редактор Т. К. Журавлев

Художник С. М. Кульбака

Художественный редактор А. Г. Садыков

Технический редактор В. Н. Галкина

Корректор С. Р. Ваганова

Сдано в набор 25/VI-1971 г. Подписано в печать 31/VIII-1971 г. Бумага типографская № 1, 60×90¹/₁₆. Учетн.-изд. л. 1.12. Печ. л. 1.0. Тираж 100.000. Заказ И-446. Цена 7 коп.

Комбинат печати им. Камиля Якуба Управления по печати при Совете Министров ТАССР. Казань, ул. Баумана, 19.